

Из жизни постсоветских мусульман в России (по материалам прессы)

Салават Исхаков

Часть III

После 11 сентября 2001 г.: террористический синдром и управляемое исламское возрождения

В представленном в мае 2002 г. президиуму Государственного Совета России во главе с В.В. Путиным докладе по вопросам международной политики были указаны пять непосредственных угроз безопасности и стабильности Российской Федерации: «распространение исламского терроризма и фундаментализма внутри страны, возможность обострения чеченского конфликта, опасность дестабилизации в му-сульманских регионах, угрозы в связи с возможностью дестабилизации стран Центральной Азии, а также проблемы беженцев и переселенцев». Доклад был подготовлен рабочей группой во главе с тогдашним президентом Республики Северная Осетия А.Дзасоховым. Судя по официальной информации, президиум Государственного Совета и российский президент с выводами рабочей группы «в основном» согласились. А из этого следовало, что главной угрозой для сегодняшней России стал якобы ислам¹.

Что касается упомянутого в докладе чеченского конфликта, то, по словам известного исламоведа из Московского центра Карнеги (США) А. Малашенко, в Чечне «наряду с прочими лозунгами присутствует и, разумеется, сохранится в будущем призыв к исламской революции и созданию исламского государства». Этот весьма приближенный к кабинетам власти аналитик откровенно пишет то, о чем другие исследователи, как правило, молчат: власти вмешиваются в отношения внутри мусульманской общины России, стремясь сделать процесс исламского возрождения управляемым, а заодно остановить политизацию ислама, так как исламский фактор с каждым годом укрепляется в качестве фактора внутривнутриполитической ситуации, одновременно влияя на внешнеполитический курс². При этом «до сих пор

¹ Татарский мир (Москва). 2002. № 8. Декабрь.

² Малашенко А. Мусульмане в начале XX века: надежды и угрозы. Московский Центр Карнеги. Рабочие материалы. 2002. Вып. 7. С. 12, 13, 20.

место ислама в России и представительство мусульман в органах власти, в структурах общества не отражает, — как отмечал высокопоставленный чиновник Р. Абдулатипов, — ни количественное, ни качественное состояние мусульман в стране»³. Противоречия между этими объективными обстоятельствами и реальной политикой властных структур самым серьезным образом сказывалась на всех сторонах жизнедеятельности российских мусульман, на их социально-культурных практиках.

Для того чтобы сделать этот процесс управляемым, властям и нужны мусульманские «иерархи», которые представляли своим прихожанам ситуацию, разумеется, совсем иначе, подчеркивая свою независимый статус и влияние на общественные настроения. Председатель Совета муфтиев России, председатель Духовное управление мусульман Европейской части России (ДУМЕР) муфтий Гайнутдин, выступая 27 мая 2004 г. с отчетным докладом о деятельности своего управления с 1999 по 2004 г., сказал, в частности, что за эти годы ДУМЕР многое сделало для налаживания жизни российских мусульман, преодолевало сложности, возникающие в российском обществе в результате широкого распространения различных представлений об исламе, налаживало взаимоотношения общины с государством по ряду социально значимых проблем для России. «Мы, — заверял Гайнутдин от имени ДУМЕР, — старались сделать так, чтобы россияне, российское государство и общество воспринимали ислам как религию мира, добра и справедливости... чтобы российские граждане учились уважать нашу религию, исламские ценности, знания, обычаи и традиции».

Духовное управление достигло, по словам Гайнутдина, заметных результатов в разных направлениях деятельности: издательской, международной, в сотрудничестве с властью и борьбе с экстремизмом и терроризмом, богословии и религиозном образовании. За пять лет в местные религиозные организации были направлены после окончания учебы в России и за границей 42 имама, еще 27 получили сан имама-хатыба. Количество местных религиозных организаций удвоилось и составило 200 против 93 в 1998 г. Среди мусульманских организаций наиболее крупные находятся в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Пензе и Мордовии.

За этот же период количество мечетей на территории европейской части страны также удвоилось и составило 108 против 53 в 1998 г. Все новые мечети строились и открывались при непосредственном содействии и помощи ДУМЕР. В Московской, Ивановской, Вологодской, Ростовской

³ Диалог цивилизаций: базовые моменты, идеи, технологии. Бейрут – Нижний Новгород, 2006. С. 147.

областях и Карелии мечети и молельные дома появились впервые за всю историю существования этих регионов.

ДУМЕР занималось подготовкой учебных программ и пособий для специализированных религиозных учебных заведений — для Московского высшего духовного Исламского колледжа, медресе при Московском Исламском университете и медресе «Махинур», мектебов при Соборной, Мемориальной (Москва) и Нижегородской мечетях⁴.

К 2006 г. стало очевидным, на взгляд религоведа Р. Силантьева, что исламское возрождение в России состоялось. В частности, количество мечетей в целом по стране практически сравнялось с дореволюционными показателями, система исламского образования в России была количественно восстановлена в полной мере, однако качественно оказалась одной из худших в мусульманском мире. И вообще ситуация в российском мусульманском сообществе имеет, на его взгляд, устойчивую тенденцию к ухудшению⁵. И что же это за такое «возрождение»? В чем причины такой парадоксальной ситуации?

Как верно констатировал в 2007 г. известный японский руссиевед К. Мацузато, раскол мусульманского сообщества России, ведущий отсчет с 1992 г., сам по себе нанес большой ущерб российскому исламу. Ситуация значительно осложнилась в конце 1990-х годов, когда светские власти развернули кампанию против «религиозного экстремизма». На этом фоне еще больше обострилось соперничество между базирующимся в Уфе ЦДУМ под руководством Т. Таджутдина и возглавляемым Р. Гайнутдином Советом муфтиев России в Москве. В этом противостоянии некоторые мусульманские лидеры попытались привлечь на свою сторону органы госбезопасности и внутренних дел⁶. Р. Силантьев также признает расширяющийся раскол российских мусульман, но вместе с тем ему кажется, что он не затормозил процесс исламского возрождения⁷, с последним же рассуждением нельзя согласиться.

Действительно, многолетний и глубокий раскол между религиозными деятелями не мог не оказать сильного влияния на все процессы духовной жизни российских мусульман. Так, житель Грозного в своем письме редактору мусульманской газеты отмечал, что в жизни мусульман и их наставников много недостатков, а именно: имамы старшего поколения «не обладают необходимыми знаниями, подвержены влиянию представи-

⁴ Татарские новости (Москва). 2004. № 7.

⁵ Силантьев Р. Новейшая история ислама в России. М., 2007. С. 202, 211, 213..

⁶ Ислам от Каспия до Урала: Макрорегиональный подход. Сборник статей. Саррото-Москва, 2007. С. 7-8.

телей спецслужб, у которых они находятся на службе. Такому же влиянию подвержены и молодые... имамы... Людям лучше нести правду и только правду. Не нужно пытаться в угоду интересам группы безнравственных отщепенцев, и тем более такой же безнравственной отдельной личности ради сохранения своей «служебной табуретки» вступать в противоречия с действительностью. Этим, на мой взгляд, грешат представители и высшего духовенства мусульман»⁸. Речь, по существу, идет о подчиненности религиозной сферы светской власти, ее управляемости чиновниками, что является недопустимым с точки зрения верующих.

В результате вмешательства тех или иных властных структур после недолгого существования все мусульманские общественные и политические организации исчезли или угасли, за редким исключением. Объясняя в интервью, в чем же секрет долгожительства ИКЦР, Медведев (Ниязов) говорил, что его организация почти два десятилетия находится в эпицентре событий, происходящих в жизни мусульманского сообщества России и исламского возрождения, и это, по его мнению, не случайно. «Мы с самого начала правильно определили свой статус — общественной организации мусульман, в то время как и Союз мусульман России, и “Рефах”, и Евразийская партия России были прежде всего политическими организациями и поэтому были изначально ограничены в своих возможностях и определенными временными рамками». В отличие от других мусульманских организаций, ИКЦР оказался, по оценке Ниязова, более жизнеспособным в силу своего статуса общественной организации, так как меньше подвергался политическому и административному влиянию различных политических групп. С недавних пор ИКЦР официально стал общественным крылом Совета муфтиев России, который находится в стадии трансформации из одной из крупнейших мусульманских организаций России в единственную крупную мусульманскую структуру⁹. На ИКЦР, как заявил в январе 2009 г. Гайнутдин, возглавляющий этот совет, «возлагается огромная ответственность по реализации программ по культуре и Совета муфтиев России, которые направлены на поддержание мира, спокойствия и стабильности в нашем государстве, развитие диалога между религиями и укрепление братства между нашими народами»¹⁰. Отсюда следует, что власть через эти структуры и программы пытается держать под контролем не только религиозную жизнь, но и другие аспекты общественно-политической жизни российских мусульман.

⁷ Силантьев Р. Указ. соч. С. 82.

⁸ Свободная мысль (Москва). 2002. № 12, декабрь.

⁹ Ислам минбаре (Москва). 2009. № 5. Май.

¹⁰ Там же. № 1. Январь.

Характерный эпизод из жизни главы ИКЦР Ниязова: 23 апреля 2009 г. в фешенебельной московской гостинице «Метрополь» состоялось его чествование в связи с его 40-летием. Поздравить юбиляра пришли представители культуры и искусств, науки, политических кругов и религиозных конфессий. Так, Гайнутдин в своем обращении отметил: «Ваше многолетнее служение исламу, Ваши инициативы, умение поставить конкретные цели и добиваться их достижения на пути нашей благословенной религии, позволили Вам рассчитывать на поддержку мусульманских лидеров России, заслужили уважение мусульманской общественности... и мы смело доверяем Вам осуществлять значимые социальные и культурные проекты»¹¹. Р. Силантьев даже назвал Ниязова «одной из ярких фигур в российском исламе», «реформатором российского ислама», «исламским лидером»¹². Несмотря на претенциозность, высокопарность и пышность всех этих восхвалений на самом деле никакого уважения фигура Ниязова и его центра среди мусульманской общественности по-прежнему не имеет, но это почему-то не смущает Совет муфтиев России и различных экспертов и советников при нем. Самые тонкие чувства огромной мусульманской общины фактически приносятся в угоду случайных темных личностей, строящих на том себе карьеру. Все это неблагоприятным образом отражалось на атмосфере в мусульманской общине России, которая все более сгущалась.

Выступая на совместном заседании президиума Госсовета и президентского Совета по взаимодействию с религиозными объединениями (11 марта 2009 г., Тула), в котором приняли участие главы всех религиозных общин страны, Гайнутдин вновь и вновь уверял представителей власти, что в мечетях России мусульманские религиозные деятели прилагают усилия, чтобы дать молодежи возможность воспользоваться в полной мере бесценным опытом предыдущих поколений россиян, которые своими трудами и подвигами создали и сберегли российскую цивилизацию с ее уникальной практикой сосуществования традиционных религий, различных национальных культур. Но на этом пути существуют препятствия, которые, с позиции Гайнутдина, тяжело преодолевать. Речь шла о том, что в России сложилась судебная практика запрета религиозной литературы трудов классиков исламской религии¹³. Несомненно, такая фактическая цензура была серьезным ударом не только по репутации и самого муфтия и других религиозных деятелей в глазах российских мусульман, которые своими

¹¹ Ислам минбаре (Москва). 2009. № 4. Апрель.

¹² Силантьев Р. Указ. соч. С. 49, 50.

¹³ Ислам минбаре (Москва). 2009. № 3. Март.

длительное время демонстрировали всему обществу, что именно они взяли на себя ответственность приобщить гражданско-административную и правовую области их жизни к новой социокультурной ситуации в изменяющейся России.

Вслед за заявлениями руководства РФ о необходимости модернизации общества, Гайнутдин летом 2010 г. сказал: «Сегодня начался очередной этап в развитии ислама в современной истории России. Закончился этап собирания, когда речь в основном шла о восстановлении мечетей и налаживании деятельности общин на местах. Сегодня перед нами задачи, лежащие в плоскости богословия, идеологии, социальной сферы, культуры и науки. Переход на этот уровень мы и называем модернизацией... Поэтому мы наставляем нашу молодежь, наших общественных активистов, что ...наше созидательное усердие, усилия и самоотдача сегодня должны быть направлены на улучшение образа ислама. Наставляем на формирование современной, образованной, высококультурной российской общины мусульман, способной брать ответственность и приносить пользу окружающим и своей родине...»¹⁴.

Рассуждения о том, именно духовные управления намерены осуществлять среди российских мусульман подобную модернизацию и формировать патриотизм, делались в ситуации, которую сам же муфтий вынужден был определить 10 ноября 2010 г. на встрече с группой членов Совета Федерации и депутатами Государственной думы Федерального Собрания РФ следующим образом: в последнее время наметилась тенденция игнорирования неотъемлемых прав части коренного населения России – мусульман, что «идет стравливание мусульман и христиан»¹⁵. Тем самым муфтием признано фактически, что, с одной стороны, возникшие в современных российских условиях проблемы с властью и частью общества не смогли быть разрешены мусульманскими «иерархами», а эта опасная ситуация не отвечает ни интересам российского общества, ни мусульманского сообщества. С другой, признано, что имеет место дискриминация по религиозному признаку, которая противоречит конституции РФ. А это является постоянным источником протестного настроения мусульманского населения страны.

«...Прошлое нашей страны — это и мирное соседство разных народов с их само-бытными обычаями, религиями, культурами; и кровавые войны друг с другом, и великодержавный шовинизм с принудительной ассимиляцией и губительные сепаратистские движения; и нескончаемые рецидивы

¹⁴ Там же. 2010. № 7. Июль.

¹⁵ Там же. № 11. Ноябрь.

имперской национальной политики, и впечатляющие успехи истинного интернационализма. Какие уроки, — справедливо задавался вопросом В. Чурбанов, — усвоили наши народы, нынешние наши мыслители, деятели культуры, политики? Безответственное в центре и эгоистичное на местах экспериментаторство в области национальных отношений свидетельствует: похоже, никаких не усвоили»¹⁶. В том же духе высказался, выступая в Москве в начале декабря 2010 г. Гайнутдин: «Я даже не побоюсь сказать, что пришло время возродить и всячески пропагандировать идеи интернационализма и дружбы народов, которые широко провозглашались во времена Советского Союза»¹⁷. Это значит фактически отрицание всей той критики советской национальной, а по сути и религиозной политики, с которой муфтий и другие духовные лица со времен распада СССР постоянно выступали. Но поможет ли советский опыт?

Дело в том, что в современной России, как верно отмечается в научной литературе, установлена политическая система, которая лишает национальные и религиозные меньшинства справедливого представительства в органах власти. Данное обстоятельство стало основной причиной отчуждения мусульман, в том числе в сфере образования и культуры. Исламизация (рост исламской религиозности как формы самозащиты) представляет собой ответ на лишение мусульманских народов политического представительства в общероссийском масштабе, а также на выталкивание их на обочину современного образовательного процесса. Мусульманские лидеры в течение 1990-х годов и до сего времени настолько поглощены внутриобщинным противоборством, борьбой за власть внутри общины, дележом поступлений от мусульманских фондов, что оказались не в состоянии заниматься религиозными проблемами. Кризис за кризисом, скандал за скандалом, — все это отражение общего социального протеста на системный кризис 1990-х годов и распад СССР¹⁸. Роль ислама в общественной жизни России все возрастает и его предписания оказывают куда больше влияния на жизнь и поведение мусульман страны, чем какие-либо духовные управления и «исламские» центры, через которые власть пытается управлять религиозными процессами среди российских мусульман, пытаясь сконструировать подобие религиозной автономии, противопоставив ее национально-культурной автономии. Мусульмане же в большинстве своем рассчитывают прежде всего на свободу и самостоятельность в религиозно-духовной и национально-культурной деятельности, в кото-

¹⁶ Татарский мир (Москва). 2002. № 1. Июль.

¹⁷ Ислам минбар (Москва). 2010. № 12. Декабрь.

¹⁸ Ислам от Каспия до Урала... С. 194-197.

рой духовные лица занимают место, согласно предписаниям вероучения, а не по указанию чиновников. Ибо никакими принудительными мерами нельзя кардинально изменить то недоверие, то подозрительное отношение мусульман ко всему исходящему от власти, еще настолько глубокое, с очень давних времен оставившее след в их исторической памяти, в их литературе, собственных переживаниях. Это чувство почти въелось в их натуру, передаваясь из поколения в поколение. Есть, как показал исторический опыт, только один путь к устранению недоверия и подозрительности — это, во-первых, раз навсегда и самым категорическим образом отказаться от какой-либо опеки со стороны государства в сфере духовных дел, во-вторых, только путем коренного перелома в постановке просветительного дела мусульман можно уничтожить в них это чувство. В просвещении, развитии наук, поиске знаний, в усвоении духовного наследия прошлого — путь к формированию образованной и высоконравственной личности, к подъему культурного уровня мусульманских народов.

Таким образом, во время «перестройки» в России началось не столько и не только мусульманское возрождение, сколько политический, культурный, духовный, национальный подъем российских мусульман, стремящихся стать полноправными гражданами страны. Этот процесс сильно осложнился длительным расколом российских мусульман, вызванным прежде всего действиями власти, некоторых «религиозных деятелей» и ряда «мусульманских лидеров». Для мусульманского населения по-прежнему актуальна такая проверенная временем социально-культурная практика, как культурно-национальная автономия, которая органически включает в себя религиозно-духовную деятельность. Ситуация резко ухудшилась для всего этого после 11 сентября 2011 г., когда в Москве властями была стремительно снесена построенная в 1904 г. Соборная мечеть (главная для мусульман не только столицы, но и для мусульман всей европейской части страны), которая представляла собой историческую и культурную ценность. То, что это было сделано именно в день 10-летия известных трагических событий в Нью-Йорке, явилось мрачным предзнаменованием для российских мусульман. Начался новый период в их жизни.

Др. Салават Исхаков – историк, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук. Область его научных интересов охватывает историю Российской империи на-чала XX века, в частности, период Октябрьской революции, а также историю мусульманского меньшинства в России.

**Z życia
postsowieckich
muzułmanów
w Rosji
(z materiałów prasy)
Cz. 3**

Salawat Ischakov

Trzecia część artykułu omawia zjawisko kontrolowanego odrodzenia islamu w Rosji po 11 września 2001 roku, które w rzeczywistości doprowadziło do głębokiego podziału wśród rosyjskich muzułmanów. Stopniowo zanikły u nich nadzieje na, sprawdzoną już, autonomię kulturalno-narodową, która obejmuje działania religijne i duchowe. Dla nich prawdziwym szokiem był 11 września 2011, kiedy władze Moskwy zdecydowały o zburzeniu Głównego Meczetu, zbudowanego w 1904 roku, który miał ogromną wartość historyczną i kulturalną. Akt ten wywołał falę oburzenia wśród zwykłych wiernych, którzy przekleli wszystkich tych, którzy ośmielili się obrazić ich uczucia.

Tymczasem liderzy i eksperci „muzułmańscy” jednostronnie wsparli władze, próbując pod różnymi pretekstami, uzasadnić ich działania. Fakt, że rozbiórka meczetu została przeprowadzona w Moskwie w dniu 10. rocznicy tragicznych wydarzeń w Nowym Jorku, był obu-

**The life
of Muslims
in post-Soviet Russia
(based on press
materials)
Part 3**

Salawat Ischakov

The third part of the article analyses the phenomenon of controlled revival of Islam in Russia after September 11th 2001, which in reality became the cause of deep divisions among Russian Muslims. Gradually their hopes for, already tested, cultural-national autonomy, including religious and spiritual activity, disappeared. For them a real shock was September 11th 2011, when Moscow city authorities decided about the demolition of the Main Mosque, built in 1904 and having an enormous historical and cultural value. This act evoked a wave of outrage among the common Muslims, who cursed all who dared to offend their feelings.

At the same time official Muslim leaders and experts unanimously supported the authorities, trying as hard as they can to justify their actions. The fact that the Mosque's demolition took place exactly on the 10th anniversary of the tragic events in New York was outrageous and unpleasant for all Russian

rzający i nieprzyjemny dla wszystkich rosyjskich muzułmanów. Stał się symbolem prawdziwej polityki władz rosyjskich wobec nich. Rozpoczął się nowy okres w ich życiu, który wymaga nowych badań.

Muslims. It became a symbol of the Russian authorities actual policy towards them. A new chapter in their lives begun that needs yet to be researched.

